

САВЕЛИЙ КАШНИЦКИЙ

Рецепты Долголетия

Жемчужины медицины Востока и Запада

- ОМОЛАЖИВАЮЩИЙ НЕКТАР «СЕМЬ СТАКАНОВ»
- РЕЦЕПТ ЦЕЛЕБНОЙ МУКИ ИЗ ВИНОГРАДНЫХ КОСТОЧЕК
- МЕДОВО-ТРАВЯНАЯ НАСТОЙКА ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ СОСУДОВ
- РЕЦЕПТ ПАХОВЫХ ПРОГРЕВАНИЙ ОТ БЕССОННИЦЫ
- РЕЦЕПТ «ЛЕГКОЙ» ВОДЫ ПРОФЕССОРА БЕРДЫШЕВА
- «БОЛГАРСКАЯ ПРОСТОКВАША» ИЛЬИ МЕЧНИКОВА
- СОЛЕВЫЕ РАССАСЫВАНИЯ ПРОТИВ МОРЩИН
- ВИБРАЦИОННАЯ ЗАРЯДКА МОЛОДОСТИ
- ИМБИРНЫЙ НАПИТОК УМИРОТВОРЕНИЯ
- МОЛОЧНАЯ ВАННА ОТ ГОЛОВНЫХ БОЛЕЙ
- БАЛЬЗАМ ДОЛГОЛЕТИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АТОРОВ

*От автора
бестселлера
«Жемчужины
восточной
медицины»*

Савелий Кашницкий

**Рецепты долголетия. Жемчужины
медицины Востока и Запада**

«Издательство АСТ»

2013

Кашницкий С. Е.

Рецепты долголетия. Жемчужины медицины Востока и Запада /
С. Е. Кашницкий — «Издательство АСТ», 2013

Это очень необычная книга. Она начинается с увлекательных очерков о самых отвлеченных вещах, связанных со старением, жизнью и смертью, загробным миром и едва уловимыми связями между ним и нашим, обыденным земным миром. Этот рассказ незаметно подводит нас к совершенно практическим и понятным рецептам, собранным автором во время поисковых экспедиций и бесед с известными целителями.

© Кашницкий С. Е., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Предисловие	6
«Защивание возраста» по Николаю Исаеву	7
Клен мой неопавший	8
Современники вечности	11
«Решение проще, чем я представлял»	13
Как замедлить процесс старения	15
Прыжок в бесконечность	17
Шесть минут до бессмертия	19
Смерть – лишь привычка, которую мы затвердили	23
Кому нужна жизнь, если не будет смерти?	24
Нарастите мне линию жизни	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Савелий Кашницкий

Рецепты долголетия. Жемчужины медицины Востока и Запада

© Кашницкий С.

© ООО «Издательство Астрель»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Эта книга написана журналистом – человеком той профессии, которую нередко упрекают в отсутствии глубоких специальных знаний. Отчасти это верно: журналист редко смеет претендовать на профессиональные знания в той области, о которой пишет. Но у него есть собеседники. Если они – профессионалы, хорошо разбирающиеся в своих сферах ответственности, есть шанс с их помощью добыть не просто интересную информацию. Но уникальную – находящуюся на таких стыках различных областей знания, где порой не останавливались даже знающие исследователи.

Хочется надеяться, что предлагаемая читателям книга окажется именно такой. Проблемы биологического старения организма и связанного с ним возможного омоложения, долгожительства и теоретического бессмертия, вопросы трагического и до сих пор не изученного рубежа, отделяющего земную жизнь от загробного бытия, все еще по привычке именуемого смертью; почти не данные нам в ощущениях реалии загробной жизни и посмертных перевоплощений, – все это темы очерков, объединенных в данную книгу.

По характеру работы мне приходится общаться с физиками и биологами, психологами и врачами, ясновидящими и носителями уникальных феноменов... По-моему, даже простой сборник бесед с различными учеными мог бы представлять немалый интерес, поскольку разговор всегда ведется о новом, малоизученном, а порой таинственном и загадочном. Но для данной книги я отобрал те материалы, которые так или иначе касаются жизни и смерти, загробного мира и едва уловимых связей между нашим, земным миром и тонким, пока не виденным жителями земли.

Не все в этой книге бесспорно. Как традиционно мыслящие ученые, так и приверженцы эзотерических знаний могут предъявить автору немало упреков. Предвосхищая их, заранее хочу уведомить своих возможных оппонентов: здесь собраны интеллектуальные построения, как правило, проверенные экспериментальным опытом, но еще не вошедшие в научный обиход. Ни одно из этих построений автор не выдумал – обычно своими мыслями делились собеседники, люди разных взглядов, убеждений, с различным опытом. Очевидно, что некоторые предположения со временем могут быть отброшены как несостоятельные – это закономерность познания.

Поэтому автор книги отнюдь не надеется, что все его утверждения читатели воспримут благосклонно. Напротив, споры с собеседниками автора и несогласие с утверждениями, приводимыми в книге, – основа для дальнейшего движения мысли, которое, возможно, когда-нибудь превратит эту книгу в сборник заблуждений давно пройденного этапа развития. Понимая эту закономерность, автор заранее просит прощения у просвещенного читателя конца столетия за отсталость и невежество. А моим современникам, может, совсем не скучно будет вместе со мной поразмышлять о жизни и смерти.

Автор хотел бы подчеркнуть, что позиционирует себя как сторонний наблюдатель и собиратель различных гипотез по заявленной теме. Автор не разделяет оптимизма некоторых авторов, гипотезы и представления которых о старении и продлении молодости изложены в этой книге.

«Зацикливание возраста» по Николаю Исаеву

Я слишком стар, чтобы стареть; стареют молодые.
Василий Ключевский

Когда в разговоре появляется слово «бессмертие», без специального пояснения понятно, что речь идет только о бессмертии души. Потому тело бrenно – таков неумолимый опыт житейских наблюдений. Даже для самого завязанного оптимиста и фантаста тело – своего рода костюм, который, когда совсем износится, можно будет постепенно, по частям чинить либо в самом конце его существования заменить на новый.

А вот о бессмертии физического тела всерьез заговорил один-единственный человек – Николай Исаев. Поскольку автора книги связывает с ним более чем двадцатилетнее творческое знакомство, его идеям, а в особенности, практике, посвящена отдельная глава. Правда, с годами Николай Николаевич отказался от слова «бессмертие», справедливо сочтя его некорректным. И использует более точное понятие – зацикливание возраста. Человек живет, но физически не стареет, потому что его биологический возраст то возрастает, то уменьшается, колеблясь вокруг какой-то определенной величины.

Согласитесь, такого не знала даже античность, хотя мы уверены, что в Греции было все.

Клен мой неопавший

Московский биолог Николай Исаев исподволь шел к идее бессмертия традиционным для мальчишек 60-х годов путем – через увлечение космонавтикой. Зачитывался трудами Циолковского, мастерил на даче реактивный двигатель. Потом несколько раз поступал в авиаучилище. Наконец стал курсантом. Но продление жизни уже томило как завтрашняя проблема освоения космоса. Лет в двадцать засел за литературу – посмотреть, до чего додумались ученые. Выяснил, что дальше общих разговоров дело не двинулось. Мысль уже была, но теории еще не было.

Не давало покоя Эйнштейново соображение о том, что при скоростях, превосходящих скорость света, время становится мнимо отрицательным. То есть пилот в корабле, летящем со сверхсветовой скоростью, молодеет!

А тут еще узнал об исследованиях физика из МГУ Г. Талалаевского, который показал: уникальный случай достижения сверхсветовой скорости возникает в вихре. Там и гравитационное поле становится отрицательным – многие слышали, что смерч отрывает человека от земли. И время, стало быть, потечет вспять.

Физика Эйнштейна так увлекла Николая, что, забросив авиацию, юноша поступил в Московский инженерно-физический институт. Но, углубившись в теорию относительности, понял, что в обозримом будущем здесь трудно ожидать практического результата. Нужно искать биологические способы.

Уже не в самом юном возрасте он в третий раз стал абитуриентом. Поступив на биолого-химический факультет пединститута, сразу же окунулся в исследовательскую работу в кружках генетики и физиологии растений. В рамках курсовой работы проделал такой, к примеру, опыт: держал вместе молодые и старые листья традесканции и прослеживал активизацию ядерно-хромосомного аппарата. Результат наблюдения не имел широкого научного резонанса, но молодого исследователя обнадежил: рядом с молодыми листьями старые увядают медленней, нежели когда они изолированы.

А вот другие наблюдения. Высажены несколько луковиц. Вырезая щель в луковичной сфере, он вставлял в пазуху почку яблони – зная, что срок жизни лука – одно лето, а яблони – 100 лет. Некоторые луковицы после такой «прививки» становились долгожителями. В нормальных условиях организм растения не принимает чужеродную ткань, зато в экстремальных, стремясь выжить, лук охотно пользуется «заемными» регуляторными веществами.

Из сотен подобных наблюдений родилась концептуальная мысль: чтобы продлить жизнь, нужно остановить развитие организма, воздействуя на него генетически чужеродными регуляторными веществами, взятыми от другого организма.

(В виде отступления замечу: такая же мысль, но рожденная иным путем, была высказана Борисом Болотовым.)

Но ведь свой собственный материал для растения куда лучше, чем посторонний. Что ж, картофельный клубень режется пополам. Одна половинка высаживается в почву, другая покуда хранится в холодильнике. Через две недели высаживается и она. Так, рядом растут разновозрастные близнецы. Потом листья более молодого куста растираются в кипяченой воде, и полученный водный раствор впрыскивается более старому, находящемуся в фазе цветения. В течение двух часов все зрелые цветы отвалились, а незрелые остановились в развитии. Правда, осенью обнаружилось, что остановки старения не произошло. Куст получал продукты,

необходимые для продвижения к старению, от другой системы размножения – вегетативной, то есть от зрелых клубней.

Дальнейшие опыты показали: если на кусте без цветов периодически удалять еще и клубни (которые, однако, все равно будут отрастать заново), то куст перестанет стареть. Его можно будет пересадить в горшок и содержать дома круглый год как вечнозеленое растение (чего Исаев впоследствии, в 1983 году, добился практически).

Сама идея искусственного замедления развития организма показалась перспективной. Тем более что и в зарубежной практике она получила убедительное экспериментальное подтверждение.

Профессор из ГДР Эрви Либберт в своей книге «Физиология растений» описал многолетний опыт, поставленный над агавой мексиканской. Обычно она живет десять лет, девять из которых растет, после чего дает большой генеративный побег с десятью тысячами цветков. Пока они незрелые, побег перерезают. Культя увядает, а на следующий год появляется новый побег.

В конце XIX века группа исследователей начала эксперимент с агавой мексиканской: растению перерезали генеративный побег на десятом году его жизни. Одиннадцатый (запредельный) год жизни стал для агавы как бы десятым. Ей снова перерезали побег, через год она опять вернулась в исходную точку начала цветения. И так много-много лет. Сменилось несколько поколений ученых, а эксперимент продолжался. Когда реальный возраст конкретной агавы достиг 100 лет, эксперимент прекратили, убедившись, что 100 лет практически равны бесконечности: вести растение по жизни можно неограниченно долго.

В 1938–1939 годах в Германии подобным образом пролонгировали жизнь одноклеточного организма амёбы. Амёба живет двое суток, в конце которых разделяется на два молодых организма. Так она запрограммирована, и не было ничего, что могло бы нарушить ход этих раз навсегда заведенных биологических часов. Пока не додумались механическим путем выщипывать у амёбы кусочек цитоплазмы. После этого ей приходилось затрачивать некоторое время на регенерацию – достраивание цитоплазмы до нормативного объема. И тогда вновь выщипывали кусок. Деление амёбы каждый раз откладывалось. И стало ясно, что эту отсрочку деления можно проводить неограниченное количество раз.

(Попутно можно провести аналогию с животным: если у саламандры отрезать лапку, культя рассасывается, а затем новая лапка начинает расти «с нуля».)

Что же из этого следует? Уже немало. Во-первых, искусственное продление жизни возможно, если приложить дополнительную внешнюю энергию – осуществить срез. Во-вторых, преодоление срока жизни агавы проводится в активном жизненном состоянии организма, без понижения температуры. В-третьих, несколько поколений экспериментаторов довели возраст агавы до 100 лет вместо отпущенных природой 10; продолжая регулярно срезать побег, предел жизни можно было продлевать сколь угодно долго.

В 1988 году в «монреальском» павильоне ВДНХ демонстрировались два зеленых нестареющих клена, выращенных Исаевым. Каждые 20 дней он выщипывал у деревца все до единой почки – зародыши будущих побегов. Свежие ярко-зеленые листья простояли всю зиму, а ведь клен, напомним, отнюдь не вечнозеленое растение, и потому никакие изысканно тепличные условия не уберегут его от осеннего пожелтения и сброса листьев.

Однажды в офис фирмы, начавшей по патенту Исаева выращивать вечнозеленые листовые деревья, приехала группа ученых. Ботаник, среди зимы смотревший на ярко-зеленый клен, сначала побледнел, потом покрылся испариной и вяло пробормотал: «Не может быть». Его коллега попросил у Николая Николаевича разрешения оторвать от деревца один листик. Исаев позволил. Ученый растер лист между пальцами, попробовал на вкус, убедился, что кленовая горечь присутствует и... рухнул на пол без сознания.

К сожалению, нестареющие клены Исаева оборвали свою «вечную» жизнь по причине весьма прозаической: методистка павильона ушла в отпуск, заперев кабинет, где стояли растения. Их никто не поливал и, конечно же, не выщипывал почки.

Так завершился уникальный эксперимент, не замеченный мировой наукой.

Современники вечности

Продлевая практически без видимых ограничений видовой предел жизни растения, ученый, однако, не доказал, что приблизился хоть на шаг к решению главной задачи – проблеме бессмертия человека. Аналогия животных с растениями малоубедительна – нужны доказательства принципиального сходства в эволюционной истории биосферы.

Примерно 300 миллионов лет назад, на границе двух геологических эпох – палеозоя и мезозоя, случилось нечто из ряда вон выходящее (что именно – науке неизвестно; легенды, мифы, гипотезы сейчас не важны). Вдруг резко возросла видовая продолжительность жизни как растений, так и животных. Значит, у флоры и фауны один и тот же механизм, управляющий ростом и старением. А раз так, нестареющая агава, зацикленный клен ничем принципиально неотличимы от *homo immortelles* – человека бессмертного.

Исследователь биохимии старения М. Канунго показал, что последний продукт предыдущего периода «включает» первую группу генов последующего периода. Тем самым он поставил важные вопросы: о критической концентрации последнего продукта и об обратной связи между продуктом последующего периода с группой генов предыдущего.

Ответила на эти вопросы теория Исаева. Если что-то помешало «включению» следующего этапа (допустим, у клена удалили все почки), срабатывает обратная связь и организм возвращается к началу уже прожитого этапа (то есть у клена образуются и начинают развиваться новые почки). Биологический смысл этого повтора ясен: группы генов данного этапа роста стимулируют выработку продукта «включения» так, чтобы со второй попытки его концентрация все-таки достигла критического уровня.

Каковы же продукты, «включающие» возрастные этапы у человека? Безусловно, это все только гипотезы...

Один из ключевых – холестерин. Можно затормозить рост его концентрации? В принципе, да. Известен ингибитор – вещество, химически связывающее холестерин и переводящее его в неактивное состояние. Одновременно следует сбрасывать и концентрацию гормона роста. Для него ингибитор тоже известен.

Правда, есть еще и третий «переключатель». Чтобы у читателя не возникло сомнения в его определенности, приведу его почти непроницаемое название: пироглутамилигистидилпроламида. Вот для него «тормоз» найти трудней. Хотя и это – обычная биохимическая задача, несопоставимая по сложности с вопросом достижения бессмертия. И уж если фантастическая проблема свелась к практической научной задаче, значит, можно говорить, что принципиально нащупан путь если не к бессмертию, то к значительному продолжению жизни человека.

Еще два десятилетия назад Николай Исаев представлял себе дальнейшие исследования так. Сначала надо отыскать ингибитор для трехчленного продукта. Затем проверить на подопытных животных, как осуществляется закливание всего организма млекопитающего. Определить, затормаживаются ли при этом развитие язвы, рака и других эволюционно развивающихся болезней. По мысли ученого, должны.

Потом проверить самым надежным способом, есть ли действительная задержка старения: процент содержания воды в нейронах мозга – этот параметр наиболее показателен, обычно его величина от рождения организма до смерти постоянно снижается; если обнаружится фаза стабильности, значит, возраст организма остановлен.

Наконец, подвергнуть закливанию людей. Для начала добровольцев, допустим, из числа безнадежных онкологических больных, у которых как минимум должно остановиться развитие опухолей и метастазов. В случае успеха – всех прочих...

Всех или некоторых? Желающих или избранных? Как легко понять, это уже вопросы не естественно-научные, а социальные. Но одни от других неотделимы. Если биолого-химическая сторона представляется Исаеву принципиально разрешимой, то этическая – куда сложнее.

Осознать бессмертие как неоценимый дар способно лишь общество духовно развитых, раскрепощенных людей. А в нашем неустроенном мире многие (не большинство ли?) противятся самой идее как реакционной, посягающей на естественный ход вещей.

В Онкологическом центре АМН СССР, где работал Исаев, его замысел не нашел сочувствия у руководства. Хочешь экспериментировать – пожалуйста, давало оно понять ученому, но в свободное от работы время. А ведь опыты на животных, не говоря уже о тех, что будут связаны с людьми, потребуют всецелой отдачи со стороны экспериментаторов. Ориентировочный период ингибирования продуктов «включения» возрастных этапов – 8–12 часов. Значит, необходима хоть и немногочисленная, но специальная группа сотрудников с круглосуточным режимом наблюдения за подопытными. Группа из четырех-пяти человек – казалось бы, сущий пустяк для многотысячного научного коллектива. Авантюра? Ну, пусть даже так. Хотя у Исаева есть отзывы на свою теорию ведущих генетиков, биологов России. Риск несколькими лабораторными ставками – так ли он был велик для государства, теряющего тысячи раковых больных ежегодно?

Однако отказ руководства онкоцентра понять энтузиаста – свидетельство нашей духовной, моральной, психологической неподготовленности к получению столь щедрого дара природы. Помимо обычного нерассуждающего консерватизма, существуют, конечно, и более серьезные возражения. Как быть с питанием, ресурсами, жильем? Неожиданно свалившееся бессмертие – не станет ли оно стихийным бедствием для неподготовленного человечества? Конечно, в таком опасении есть своего рода социальная близорукость. Легче ведь решать продовольственную, жилищную и другие проблемы, имея здоровое, неумирающее человечество. И все-таки даже теоретически возможное решение данной проблемы ставит нас перед множеством других, может быть, не менее сложных. Так что же, отмахнуться, убоявшись, от всех разом? Наверное, этого уже не случится: джинн выпущен...

На заре столетия Николай Федоров предрек, что «общее дело» свершится к концу века. Столетие завершено, пророчество не осуществилось. Хотя наверняка оно имеет глубокую основу. Несопоставимую по значимости с сиюминутными бюрократическими проблемами.

Всему свое время. Приближается время победить смерть. Если это объективная миссия современного человечества, она будет исполнена. Очень возможно – уже при жизни читающих эти строки. Счастливых современников вечности.

«Решение проще, чем я представлял»

– Николай Николаевич, прошло несколько лет с тех пор, как вы сформулировали подход к заикливанию возраста человека. Инъекции различных ингибиторов, которые необходимо делать каждые 8–12 часов, делали проблему по-житейски неразрешимой. Как за прошедшие годы изменилось ваше представление о технике заикливания?

– Оно упростилось. Решение гораздо проще, чем я это себе представлял. На первом этапе мы осуществляем механическое воздействие на те органы, что вырабатывают ключевые метаболиты. Созданы химические препараты, что заикливают растение уже без всякой подрезки. Вот опыты на луке. Обычно суточный прирост составляет 2–2,5 сантиметра, недельный – 14–17 см. Опытные экземпляры после химического воздействия дают за неделю нулевой прирост. Опыт отснят видеокамерой, рядом росло контрольное растение того же сорта, в тех же условиях за неделю оно выросло на 14 см. Правда, стоит один раз пропустить процедуру химического заикливания – и растение тотчас возвращается к физиологической норме как ни в чем не бывало.

Живой организм словно считывает программу – от рождения до смерти один и тот же отрезок. В эту программу я вставляю возвратный блок, постоянно отсылающий организм к одной и той же точке.

Вот и сегодня (15 мая. – С.К.), пока мы с вами разговариваем, у меня дома в горшке цветут цикламены, заикленные с 9 марта. Не впечатляет? Наверное, вы просто не знаете, что цикламены отцветают весной. А уже стоят жаркие летние дни. На одном кустике находятся распустившийся цветок и незрелый бутон с яркими нежелтеющими листьями. Постараюсь аккуратно провести цветок до середины лета – тогда феномен станет самоочевидным.

– Хорошо, может, с цикламенами вы вытворяете чудеса. Но что можно ожидать с более ответственными экспериментами на людях?

– Препараты для заикливания людей, которые я прежде намеревался мучительно составлять из различных компонентов, найдены в числе утвержденных Минздравом лекарств. Так что не потребуются даже специальных разрешений.

– Но если это известные лекарства, значит, многие принимающие их подвергаются заикливанию, сами того не ведая?

– Нет. Для заикливания необходимы три компонента. Их вводят в организм по определенному режиму. Вероятность случайного выхода на этот режим практически нулевая. Эти лекарства не лечат, а лишь приостанавливают развитие болезней. Они опасны при передозировке – может появиться тошнота, повыситься температура, бывают судороги. Из-за таких нежелательных побочных явлений произошло разочарование в этих препаратах. Их производство угасает. В чем и состоит сейчас главная трудность моих предстоящих исследований.

– Помнится, схема заикливания, которую вы предлагали прежде, была очень громоздкой, обрекала больных на столь частые инъекции, что они сделали бы бесконечную жизнь бесконечной мукой...

– Тогда идея лишь отрабатывалась. Сегодня инъекции вообще не нужны. Прием препаратов необременителен и не связан с неприятными ощущениями.

– Даже не верится: неужели все уже готово для практического бессмертия?

– Давайте для точности не использовать это понятие. Я говорю лишь о заикливании возрастной фазы организма. Бессмертие, как вы понимаете, связано с бесконечностью. Упавший на голову кирпич немедленно прервет опыт. А чем длиннее жизнь, тем вероятней падение кирпича (или наезд автомобиля, что для жертвы одинаково смертельно). Так что подлинное бессмертие даже с точки зрения теории вероятностей – вещь недостижимая.

– Но остановить старение организма вы можете уже сегодня?

– Если сегодня начать заикливание, через три недели результаты станут очевидными: к примеру, остановится рост ногтей, составляющий 0,1 миллиметра в сутки. В заикленном состоянии человек не сможет ни заболеть, ни вылечиться.

– А будет ли его мозг развиваться – накапливать информацию, творчески работать?

– Вы хотите знать то, чего пока никто не знает. Подождите, начнем эксперименты...

Как замедлить процесс старения

Мне встречались в жизни как минимум десять смелых, талантливых людей, которым удалось исцелять раковых больных. Одни, как, например, Надежда Семенова, объединяли излечившихся от смертельного недуга в своеобразный клуб, который распространял уникальный опыт. Другие, как Надежда Гучик, пытались скрывать диагноз своих пациентов – не только из соображений гуманности, но и чтобы не вздымать и без того высокую волну своей славы. Худшая доля выпала Борису Болотову, оттрубившему восемь лет за колючей проволокой за безрассудную смелость.

Неудивительно поэтому, что Николай Исаев категорически отказывается спасать от смерти онкологических больных. Не имея диплома врача – своего рода индульгенции, искупающей возможные ошибки, – ученый не хочет себя подставлять. И никто не вправе его за это осудить. Никто, кроме его собственной совести...

Экспериментом в Институте общей генетики имени Н.И. Вавилова РАН руководила доктор биологических наук Ольга Хоперская. Мышам привили меланому – рак кожи. Пять зверушек составили контрольную группу, пять – экспериментальную. Последних поили профильтрованной водой, обработанной по методу Исаева. Ежедневно мышек взвешивали. Обычно колебания массы тела зверьков находятся в пределах 300–700 миллиграммов. В экспериментальной группе они достигли 2,9 грамма, что доказало: исаевская вода действует. На 17-й день эксперимента в местах инъекции появились опухоли. У всех мышей, кроме одной, той самой, чья масса тела колебалась больше всех. В конце концов все заболевшие раком мыши погибли, при этом экспериментальная группа жила в среднем на три дня дольше, чем контрольная. Не бог весть какой эффектный результат, верно?

Но замечательно другое: одна мышка, не заболевшая, выжила. Когда ее, беднягу, все-таки принесли в жертву науке, при вскрытии раковых клеток не обнаружили. Клетки меланомы – черного цвета, очаги поражения хорошо видны у всех других погибших. Эта, единственная, точно не заболела, хотя в ее организм ввели 100 тысяч раковых клеток. Любопытны и погибшие: они ведь умерли не от рака как такового, а оттого, что опухоль пережала жизненно важные сосуды. Но метастазов у экспериментальных мышей не было! Это значит, после операции по удалению опухоли они могли бы жить.

Ну и что, можем мы возразить ученому-энтузиасту: одна мышь из десяти не сдохла от рака! Так ведь и среди людей какой-нибудь везунчик чудом исцеляется, неизвестно по какой причине (правда, один – не из десятка, а из миллиона, но такое бывает – онкологи могут подтвердить). Так, может, одна мышка родилась в рубашке – только и всего? А вода Исаева – обманка, по-научному – плацебо?

Скептики могут ознакомиться с протоколами двух других исследований.

Одно провела та же группа О. Хоперской в ИОГене. Обработанная Исаевым вода угнетала рост головастика, мешая им превращаться в лягушек. Результат эффектный: из 100 экспериментальных головастика лишь один подал первые признаки метаморфоза – превращения в лягушку, да и тот, сердечный, жабры отбросил. Остальные 99 даже хвостов не растеряли. Из 1000 контрольных 256 благополучно «олягушились» (не 60–70 %, как в обычном болоте, а лишь четверть), поскольку, как полагает Исаев, информационное влияние обработанной воды все же частично оказало воздействие и на контрольную группу, чей аквариум размещался в том же помещении, что и экспериментальный.

Вывод биологов таков: результат подтверждает гипотезу Исаева о возможности затормаживания жизненных процессов.

К такому же выводу пришла другая, независимая группа исследователей под руководством тогдашнего заведующего лабораторией клинической микробиологии Центральной клинической больницы Медицинского центра Управления делами Президента РФ Валерия Минаева. Обработанная Исаевым вода затормаживает развитие микроорганизмов в физиологическом растворе. Причем его концентрация не влияет на эффект.

Эти самые последние эксперименты, проведенные, что особенно важно в науке, независимыми исследователями, не связанными по работе с Исаевым, доказали реальность затормаживания процесса жизнедеятельности.

Останавливая процессы развития биосистем (а значит, и старения), ученый тем самым останавливает (в идеале – «до нуля», как в случае с излечившейся от рака мышью) и процесс развития злокачественной опухоли.

Сам Николай Николаевич использует такую метафору. Представьте радиолу с пластинкой. В определенном месте вы приподнимаете иглу и отводите ее назад – часть пьесы проигрывается заново. Затем снова в том же месте игла отводится назад. И так без конца. Таким образом можно заставить сколь угодно долго звучать один и тот же кусок. Не давая музыке переходить определенный рубеж. Наша жизнь напоминает эту пластинку – увы, не столь уж долгоиграющую.

Что уточнил эксперимент в ИОГене: если прежде Исаев полагал, что ему удастся одной и той же водой воздействовать на все живые организмы, ее потребляющие, то теперь он увидел: это своего рода резонанс. Для каждого организма придется подобрать индивидуальный режим. А индикатор резонанса – «раскачка» массы тела. Когда суточные колебания достигнут максимальной величины, можно не сомневаться: опухоль побеждена.

Ну, так вперед! Протяните, Николай Николаевич, тысячам обреченных ту соломинку, что волею судьбы оказалась у вас в руках!

Но не может сегодня Исаев раздавать свою воду раковым больным. И вовсе не потому, что нет денег на ее производство: вода, пусть даже очищенная и специально обработанная, не стоит практически ничего. Проблема в другом: в науке не бывает 100-процентных результатов. А даже один умерший из сотни (невозможно прекрасный результат в онкологии) – это преступление, за которое Исаеву отвечать по закону. Поди потом доказывать прокурору, что больной с метастазами умер бы и безо всякой воды. А возмущенные родственники будут добиваться наказания лекаря-самозванца.

Исследователь уже обращался в хоспис – специальное заведение, где онкологические больные готовятся к встрече со смертью. «Давайте готовить им чай на моей воде, – всего-то и предложил Исаев. – Под контролем ваших врачей. Тщательно протоколируя исследования». – «У нас очередь, – объяснили товарищу, который не понимает. – Очередь за цивилизованной смертью. А вы хотите создать пробку».

Что же делать? Как остановить конвейер смерти, даже гуманный? Мне видится такой путь: организовать заведения принципиально противоположного толка – назову их антихосписами. Туда будут ложиться онкологические больные, которые хотят не умереть, а продолжать жить. Антихоспис – это больница с исследовательским центром. Здесь смогут работать законодательно защищенные изобретатели, стремящиеся одержать победу над раком (помимо Исаева, таких наберется несколько десятков). Безмедикаментозное экспериментальное лечение под контролем врачей при добровольном согласии больных (письменно зафиксированном и нотариально заверенном) должно исключить уголовное преследование исследователей. Разумеется, создание антихосписов подобного типа – юридический прецедент. Очевидно, решение должно быть принято на уровне Госдумы. Ведь право человека сойти с конвейера смерти (даже с определенным риском умереть по другой причине) – вопрос уже не по ведомству здравоохранения, а морально-этический, то есть решать его необходимо всем обществом в целом.

Прыжок в бесконечность

Около четверти века назад доктор биологических наук Людмила Обухова из академического Института химфизики установила прямую зависимость между массой тела и возрастом мышей. Но не всяких, а только специальных гибридных. Взвесил такого усача – и автоматически получил точный его возраст. Для науки удобно.

Николай Исаев не стал открывать мышиных Америк – взял именно этот гибрид. Жили самцы как обычно, ели обыкновенную мышиную еду. Лишь одно отличало их от короткоживущих собратьев: пили они ту воду, которую давал им Исаев. Эта вода необычна: с помощью известного медицинского прибора «Трансфер П» он записывает на нее информацию, которая закикливает возраст.

Дальше – просто: знай себе периодически взвешивай самцов и определяй их реальный, биологический возраст. Первый месяц прошел для Исаева скучновато – мышцы набирали вес по обычной программе. Если б не хватило ученому терпения – мог бы и забросить эту бессмысленную возню. Но весь второй месяц словно пошел в обратную сторону: грызуны все как один стали худеть, пока к исходу второго месяца не вернулись в начальную позицию. Третий месяц – вновь набор веса до прежней, двухмесячной давности, величины. Четвертый – опять похудание строго до первоначального уровня. И так в течение всего года. С той только разницей, что периоды раскочки веса стали удлиняться до пяти месяцев, а максимальная поправка возрастала на один грамм (для мелкого грызуна это не так мало). Вес мышечек колебался от 23 до 26 граммов. Но в это же время их сородичи, не пившие воду Исаева, разжирили до 43 граммов!

Что же из этого следует? А не меньше того, что мыши не стареют. Ведь – вспомним особенность гибрида – их вес прямо пропорционален возрасту. Выходит, подопытные Николая Николаевича постоянно возвращаются к своему пятимесячному состоянию. Субъективно это подтверждается их блестящей шерсткой, сияющими глазами, большей плавательной активностью, чего постаревшие мыши лишены.

Подумаешь, мыши, – может возразить скептик. И будет неправ: для онкологов, к примеру, мыши стали единственной моделью млекопитающих при отработке противораковых препаратов, прежде чем испытывать их на людях. Обезьяны, некогда упорно трудившиеся на ниве онкологии, уволены за ненадобностью – лишнее между мышью и человеком звено.

Итак, если мыши не стареют, нам-то, «сапиенсам», сам Бог велел.

Задержав манжету рукава, Исаев показывает мне свои «часы»: на обычном металлическом браслете в обычном круглом корпусе – вода с перекачиваемым внутри пузырьком воздуха. Ни циферблата, ни стрелок – только вода. Что «записал» на воду Николай Николаевич, секрет ученого. Сообщает лишь, что эта программа закикливает возраст. Уже не мышиный, куриный или кроличий, а его собственный.

В тот день, когда ему перевалило за 40, он решил для себя: хватит стареть. Парацельс, граф Сен-Жермен, Казанова, может, еще кто-нибудь, – только заявляли об этом. Но ни один так и не повернул против календаря.

Вход в состояние закикленного возраста необычен: вес тела начинает совершать внутрисуточные колебания, причем их разброс постоянно нарастает, доходя до двух килограммов. Остается одно необременительное ограничение: в течение 5–12 суток пить только запрограммированную воду. И все, что потребляешь, – чай, кофе, суп, соки – исключительно на такой воде. Ничего, хочешь жить вечно – привыкнешь.

Возраст, строго говоря, не стоит на месте (жизнь, вспомним классиков, – это вечное движение), а переходит в «плавающее» состояние. Николай Николаевич заметил у себя четырехлетний цикл временного постарения и возврата к исходному возрасту. В дальнейшем длительность этого цикла постоянно меняется.

За шесть с лишним лет «зацикленной» жизни, по заверению Николая Николаевича, он ни разу ничем не болел. Хотя до ее начала бывало – прибалывал, как и все.

Султан Брунея, один из самых богатых в мире людей, объявил, что даст 20 миллиардов долларов (почти половину личного состояния) тому, кто вернет ему молодость. Исаев скромно и честно: вернуть молодость, пожалуй, пока не сумеет. Но вот оставить султана в сегодняшнем возрасте – почему бы не попробовать!

Гибридные мыши, о которых шла речь выше, живут три года. Замучишься ждать, пока контрольные зверьки передохнут. Поэтому для постановки рекорда Исаев выбрал белых беспородных мышей, живущих максимум два года. А основная их масса отдает концы в возрасте 13 месяцев.

Лучшие из зацикленных мышей прожили 31 месяц. Побит мировой рекорд продления жизни: по научным данным, он равнялся 45 %, а у Исаева – 62 %. На столько выросла средняя продолжительность жизни. Максимальная же с помощью специальных препаратов была перекрыта в конце XX века на 16 %, Исаев уже поднял эту планку до 20 %.

Если ничего плохого не случится и хотя бы одна беленькая подопытная мышка из его экспериментальной группы дотянет до лета, короткоживущая мышь превратится в долгоживущую.

По мнению экспериментатора, сформировался новый биологический вид, какого прежде в природе не было. Как, кстати, и вечнозеленого дуба. Или человека нестареющего. Ведь биологический вид характеризуется главным признаком – видовым пределом продолжительности жизни.

Homo sapiens – человек, теоретически способный прожить до 120 лет.

Если предел будет преодолен, речь пойдет о каком-то другом биологическом виде, возможно, более устойчивом к факторам грозящего нам уничтожения биосферы. И второго предела у него уже никогда не будет.

Исаев поставил вполне корректные опыты на мышах с привитой им меланомой – раком кожи: она не развивалась, ведь, по мнению экспериментатора, в зацикленном организме и раковые клетки не способны развиваться. Выходит, остановить развитие опухолей технически возможно уже сегодня. Проблема рака если и не будет решена, то, по крайней мере, отложена до лучших времен при сохранении жизни безнадежным пациентам.

Сегодня в мире насчитывается примерно 300 гипотез старения. И ни одной теории. Подход Исаева, неоднократно представленный коллегам, так пока и не был раскритикован по существу. Хотя он претендует на теорию старения.

Но как все же добиться признания коллегами научного подхода к зацикливанию организма? У Николая Николаевича и на сей счет свое нетривиальное соображение:

– Выступая на совещании геронтологов, я предложил им продолжить разговор через пятьдесят лет. Посмотрим, кто, кроме меня, придет на следующую встречу.

Шесть минут до бессмертия

Войдя в поезд на «Таганской»-радиальной, я притулился у надписи «Не прислоняться», достал из сумки заветный пузырек и плотно прижал ладонь к закрытому фольгой горлышку. Перегон до «Пролетарской» сбросил один год с моих сорока девяти (а не пятидесяти, как в паспорте). На «Волгоградском проспекте» мне стукнуло 47. Огляделся: вроде на меня не смотрят. Наконец, когда возле мертвого автозавода поезд вырвался из тоннеля, мне исполнилось 46 (впрочем, это я узнаю только через день). В «Текстильщиках» все стоявшие рядом вышли, вошедшие же не видели меня пятидесятилетним. Значит, никто еще ничего не заметил. Дома кинулся к зеркалу: легкая седина на висках – на месте, морщинки у глаз – тоже. Слава богу, жена пока не догадается.

Полторы сотни людей разыскали Исаева и напросились к нему «в кролики» на заикливание. Реально отважились на эту небывалую процедуру около сорока. А на вторичную проверку изменения биологического возраста в медицинский центр, где Исаев работает научным консультантом, пришли только девятнадцать человек.

Двадцатого я застал в кабинете кандидата биологических наук Бориса Каурова, который, сидя за компьютером, как раз и определяет биовозраст.

Двадцать первым стал автор этих строк.

– Давление у вас – как у юноши, – подбодрил меня Борис Александрович, вписывая в карту: 124 на 82, – дай вам Бог и дальше с таким оставаться. Ну а теперь сядьте поудобней, сделайте глубокий вдох и старайтесь сколько можете не дышать. Раз, два, три! – в руках врача щелкнул секундомер.

57 секунд – не блестяще. Но у меня еще две попытки.

Третье испытание почти цирковое: правую ногу следует прижать к опорной левой, закрыть глаза и как можно дольше удерживать равновесие. Да хоть полчаса простою, подумал я про себя, он замучится на секундомер пялиться.

Однако я дал крен уже через три секунды. Выругался на себя и снова встал в позу фламинго... Что за черт! Ведь капли в рот не брал, а больше четырех секунд не получается. С третьей попытки, шатаясь, достоял до пяти. Вот позор-то!

– Не удивляйтесь, – успокоил меня добрый доктор, – это совсем не так легко, как кажется. Не зря ведь статическая балансировка считается одним из основных критериев определения биологического возраста. Здесь завязано все: и четкость работы головного мозга, и прохождение импульсов в спинном мозге, и «послушность» опорно-двигательного аппарата...

Потом я отвечал на вопросы. В каждом из них таился более или менее прозрачный подтекст: насколько проявлены погрешности стареющего организма. Отвечал честно, не пытаясь омолодиться враньем. И про свой беспокойный сон признался, и головные боли не скрыл, и некоторую забывчивость...

Но при всем при том компьютер выдал: 48 лет и 11 месяцев. А ведь мне еще весной «полтинник» врезал. Значит, мой организм отстает от графика на полтора года.

– Это хорошо! – резюмировал в соседнем кабинете Николай Николаевич. – В таких случаях при заикливании омоложение ярко выражено, сбросите лет до десяти.

С этим оптимистическим прогнозом он вручил мне пузырек с водой, на которую записана информация о заикливании возраста, и объяснил, как перенести ее на организм. В сравнении с прежней технологией все упростилось: всего-то и требуется 3–4 раза в день на 6 минут прижать ладонь к фольге, прикрывающей горлышко. И уже к вечеру третьего дня заикливание станет необратимым. Останется только прийти еще раз к доктору Каурову и проверить, на сколько я стал моложе (или старше: чем черт не шутит!).

Не утерпев до дома, я поспешил омолодиться прямо в метро. Понятно, что и в дальнейшем строго соблюдал наставления Исаева.

Но случилось непредвиденное: откуда ни возмись – простуда. Насморк, кашель, слабость во всем теле. Придя на третий день в медицинский центр, я полагал, что теперь-то компьютер представит меня дряхлым стариком. Всю статистику ученым испорчу. Ну, да ладно, поучаствую в исследовании «вне конкурса».

Каково же было удивление, и мое, и Бориса Александровича, когда я, сопливый увалень, простоял с закрытыми глазами на левой ноге восемь секунд, а дыхание задержал на 67 секунд. Соответственно, биовозраст оказался 46 лет и один месяц.

Выходит, я уже на четыре года моложе самого себя.

– А что, если по правде, измеряет компьютер? – спросил я доктора Каурова. – Не получается ли, что он всего лишь цифрами подтверждает положительную установку Исаева на омоложение?

– Я лично составлял эту программу. **Тест на определение биологического возраста разработан учеными Киевского института геронтологии АМН СССР.** Более сложная программа учитывает низко- и высокочастотные слуховые пороги, много других параметров. Но мне удобней пользоваться упрощенной методикой. К ней можно придирается, критиковать ее, предполагать, что она «льстит» пациентам. Дело не в этом. Даже если абсолютные значения биовозраста неточны, нам с Николаем Николаевичем в этом исследовании важна разница между тем, что было до воздействия заряженной воды и что стало после воздействия. А все возможные погрешности метода выносятся за скобки.

Вот, смотрите, позавчера ваш истинный возраст составлял 48,9 лет, сегодня – 46,1 год, разница – 2,8 года. Это вполне в пределах наблюдаемого нами разброса. У других двадцати добровольцев физиологический возраст после воздействия Исаева тоже снизился, но у кого-то на полгода, а у кого-то на десять лет. Среднее снижение для всей группы – 7,2 года. Причем вероятность ошибки в определении этой величины – меньше одной тысячной. Понимаете, что это значит: из тысячи испытуемых только один по какой-то причине может не подчиниться данной закономерности.

Вы помолодели, даже несмотря на болезнь. Приходите сюда после выздоровления, замерим еще раз: думаю, порадуетесь более заметному омоложению.

Смачно чихнув, я подтвердил правоту услышанного.

Доктор Кауров позволил мне заглянуть в готовящееся заключение о проведенном доклиническом исследовании. Статистика по 19 добровольцам (двадцатый и я пока в нее не попали) такова: абсолютная разница между физиологическим возрастом и паспортным до воздействия воды Исаева составляла от +9,2 до – 20,6 лет. Это значит, один, самый нездоровый в группе, был на 9 лет старше, а другой, хорошо сохранившийся, – на 20 лет моложе своего номинального возраста. После воздействия воды с информацией эта разница колебалась от +0,6 до – 29,1 лет. Как видим, обе границы снизились, то есть помолодели все.

Но одно дело – статистика, решил я, другое – свидетельства самих участников исследования. С любезного согласия научного консультанта и доктора, обзвонил некоторых «зацикленных» и воспользовался их сведениями, сообщенными Каурову.

У Нонны Ильиничны (здесь и далее все имена пациентов изменены), женщины немолодой, заметно улучшился сон: прежде до полпервого ночи даже не пыталась ложиться, теперь укладывается до полуночи и засыпает сразу.

Виктор Данилович заметил, что недолеченная простуда к вечеру усиливается, а к утру ослабевает.

Артур Георгиевич всегда тщательно бреется по утрам, но к вечеру все равно кажется небритым; в «зацикленном» же состоянии впервые бриться пришлось только на пятый день.

У Людмилы Федоровны медленней стали расти ногти.

Сергей Евграфович, пенсионер, перенес инфаркт, операцию по удалению желчного пузыря, страдает псориазом. Естественно, его биовозраст оказался больше паспортного аж на 6 лет. После воздействия воды Исаева биовозраст на полгода меньше, чем указанный в паспорте.

Андрей Аркадьевич в детстве страдал ДЦП. Здоровьем он, конечно, похвастаться не может. Был на 9 лет старше самого себя. Теперь – всего на полгода. Впервые за много лет у него появилось ощущение отдыха после сна.

Василий Игоревич, пожилой человек, заметил, как после воздействия воды Исаева вернулись давно забытые ночная и утренняя эрекция. Приходится даже ночью погулять по комнате, прежде чем угаснет нежданное возбуждение. Утренняя эрекция – вообще удел молодых парней с их возрастной гиперсексуальностью. Вон куда занесло старичка!

Все эти свидетельства – самые первые и, конечно, субъективные. Многие пока вообще ничего примечательного в своем состоянии не обнаружили. Ведь исследование проводилось в нынешнем декабре. Люди прожили в новом для себя качестве по несколько дней. Все они договорились с Борисом Александровичем пройти тестирование еще через три месяца, затем через полгода, через год.

Только тогда можно будет решить, что произошло с пациентами: действительно ли они сбросили часть груза прожитых лет или просто получили нечто наподобие санаторно-курортного лечения, полезного, приятного, но имеющего свой срок действия.

Доктор Кауров пока не пришел к однозначному выводу. Биолог Исаев решительно настаивает: произошло реальное омоложение.

Если это так, впервые в обозримой истории сделаны робкие пока шаги в сторону, обратную уготованной нам неумолимой природой. И тогда это – подлинная революция в естественных науках, да и вообще в судьбе нашей цивилизации.

И все-таки червь сомнения сверлит мой заикленный мозг: а не «прикалывает» ли нас всех этот Исаев? Вдруг он неизвестно что нашептал над водой, отобрал горстку чудачков с революционным сознанием и зомбировал нас, поставив в ряд со своими белыми мышами-рекордсменками? Хорошо еще, если не вымрем все в одночасье... (Памятник «первопроходцам бессмертия», полагаю, установят возле медицинского центра, где мы, 21 чудак, стартовали в вечность.)

Своими сомнениями я поделился с Борисом Александровичем. Человек он, кстати, дважды компетентный в интересующей нас области: не только врач, но еще и физик (окончил физфак МГУ). Так вот, доктор Кауров считает, что вода с записанной на нее информацией – типичный гомеопатический препарат. А гомеопатия, хоть так еще до конца и не изучена, стала привычной, безвредность ее методов очевидна.

Наконец, оставшиеся сомнения развеял сам Николай Николаевич:

– Два одинаковых пузырька с водой – один с обычной дистиллированной, другой с заряженной мною – я отдал на проверку Наталье Зубовой, академику Российской академии естественных наук, директору Русско-американского института натуральной медицины. С помощью прибора «Мини-эксперт Фолль» она безошибочно определила, в каком из двух пузырьков вода заряжена. И дала мне официальное заключение. Поэтому, хотя химический анализ в моей воде ничего особенного выявить неспособен, уже имеется объективный способ доказательства записанной на воду информации.

Ну а решающим аргументом в пользу правоты Исаева служат его опыты с животными.

После мышей, шагнувших к бессмертию, следующий этап – группа добровольцев. Если с ними (вернее, с нами) ничего плохого не случится, дальше, по идее, последуют клинические испытания. В них уже все должно быть безупречно с точки зрения корректности научного эксперимента: пациенты не будут знать, что подвергаются какому-либо воздействию, само воздействие будет стандартизованным, условия определения биовозраста до и после заикливания – идентичными, эксперты-медики – абсолютно посторонними и невовлеченными...

И лишь по прошествии нескольких лет, когда станет видно невооруженным глазом, что «заикленные» пациенты отстали от своих сверстников в неумолимом беге к небытию, только тогда мы сможем поздравить Исаева и самих себя с победой над старостью и смертью.

А пока что я вынужден ежедневно имитировать утреннее бритье, чтобы жена ни о чем не догадывалась. Хотя знатоки уверяют: все равно догадается. Как именно – этого я ни за что не открою.

Смерть – лишь привычка, которую мы затвердили

*Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем еще,
что такое жизнь.*

Конфуций

Зная, что наше земное бытие отделено от небытия гробовой чертой, мы немного упрощаем ситуацию. Ведь чтобы раньше времени не оказаться в могиле, надо иметь уверенность, что тебя не закопают живым. А такой уверенности как раз нет. Потому что нет точных критериев смерти. Глубокий обморок, перешедший в кому, летаргический сон так похожи на смерть, что неопытный врач, осмотрев такого пациента, может дать отмашку на погребение. Поэтому достоверное представление о моменте наступления смерти жизненно важно для каждого человека, а ошибка при определении этого момента смертельно опасна опять-таки для каждого.

Кому нужна жизнь, если не будет смерти?

Такой вопрос заостряет философ-танатолог – исследователь проблем, связанных со смертью – доцент Российского государственного гуманитарного университета Владимир Стрелков, который согласился прокомментировать новейшие научные поиски подходов к реальному достижению бессмертия.

– Владимир Игоревич, биолог Исаев, подошедший в своих исследованиях к реальному, по его мнению, биологическому бессмертию, совершенно убежден, что победа над смертью есть великое благо для человечества. Более того, всякое в этом сомнение можно истолковать как форму суицидального сознания. Вы, вероятно, достаточно уникальный человек, являющийся откровенным противником бессмертия. Объяснитесь, пожалуйста.

– Действительно, я вовсе не считаю, что бесконечно длящаяся жизнь стала бы для человека благом. Жизнь и смерть – две нераздельные фазы бытия. Смерть не просто завершение жизни, но ее венец, то есть высшее проявление, кульминационная точка. Оторвать, уничтожить ее – значит, в определенном смысле отнять у человека часть жизни.

– Простите, но я вынужден уподобиться персонажу Стругацких и признаться: не люблю парадоксов.

– Ничего не поделаешь – жизнь парадоксальна. Вся она, по крайней мере, сознательная ее часть – это постоянная подготовка к смерти. Проживание без извечной мысли о неотвратимости смерти было бы каким-то иным, более вялым, бессюжетным, в конечном итоге бессмысленным. Ведь осознание неизбежности смерти делает каждый миг нашего пребывания на этом свете исключительным, неоценимым, заставляет нас спешить реализовать замыслы, задумываться об ответственности за свои поступки, непоправимости ошибок. Если бы вдруг не стало смерти, исчезло бы и это духовное напряжение, чисто человеческое ощущение неповторимости каждого мига, утекающего, как вода сквозь пальцы, отпущенного тебе времени.

– Это, конечно, очень красивый романтический образ. В эстетике романтизма смерть в самом деле не менее значима, чем жизнь. Но, возможно, в обыденной жизни романтизм не столь значим. И радость никогда не умирать, не испытывать боль и страх небытия гораздо значимей, чем красота конечности жизни?

– У Свифта в «Путешествии Гулливера» есть эпизод, в котором герой оказывается среди бессмертных жителей очередной фантастической страны. До чего же они скучны, ленивы, ни в чем не заинтересованы. Им некуда спешить, поэтому они вообще ничего не делают. У них нет страха ошибиться, поэтому они безответственны. Смертному Гулливеру совсем не захотелось остаться среди этих зануд. Свифт, по-моему, чутьем художника уловил главное в этой проблеме: лишенная смерти жизнь – уже и не жизнь, а жалкое ее подобие.

– Все-таки звучит это как-то бездоказательно.

– Доказательства вы найдете в любой завершенной жизни.

Смерть – всегда загадка. Это то, о чем никто из живущих точно ничего не знает и никогда не узнает. Это беспрецедентный опыт, которым с нами некому поделиться и который мы никогда не передадим другим. Однако мы понимаем исключительную важность этого опыта.

Умирая, человек остается один на один с самим собой, с опытом пережитого. Он волею-неволею итожит этот опыт и в подведении итогов абсолютно честен, потому что больше незачем и не перед кем лукавить. Для некоторых это, возможно, единственный в жизни момент истины, откровенного разговора с самим собой. Без такого ощущения квинтэссенции жизни человек не был бы homo sapiens – он, возможно, был бы кем-то другим. Поэтому, выбирая бессмертие,

человек должен понимать, что ради бесконечно долгого существования он отказывается быть человеком. Готовы ли вы отказаться от своей сущности ради сомнительного блага жить вечно? Вот иная формулировка проблемы необходимости бессмертия.

– Но можно взглянуть на это и с другой стороны. Вы, Владимир Игоревич, выбираете смерть. Значит, вы непременно хотите потерять зубы, облысеть, согнуться, разучиться любить, превратиться в беспомощное, маразмизирующее существо, которое, может быть, на финишном отрезке прямой, ведущей вниз, обречено молить Всевышнего скорее даровать вам смерть как избавление от жалкого состояния надоевшего всем, в том числе и себе, существа. Но это лично ваш выбор. Почему же вы готовы отказать другим в их выборе некончающейся молодости, здоровья, силы, любви, творчества, житейских радостей? Ведь реализация идеи бессмертия ни у кого не отнимает права на смерть.

– Вы поставили два новых вопроса: о преодолении старения и о праве на смерть. Они связаны с проблемой бессмертия, но не тождественны ей. Да, избавиться от старения, а вместе с ним от болезней и немощности было бы хорошо. И при этом важно оставить человеку право на выбор смерти. И еще, мне кажется, чрезвычайно важно оставить страх смерти – он конструктивен для личности, стимулирует совесть как универсальный регулятор поведения человека.

– Значит, мы почти договорились: иммортологи – ученые, стремящиеся к достижению бессмертия, – не должны отнимать у людей право на смерть; а танатологи – философы, исследующие ценность смерти для человеческой жизни, – не должны отнимать право на бессмертие.

– Что ж, разумный компромисс. Если, конечно, бессмертие вообще не является иллюзией. Ведь я по-прежнему убежден: смерть – важнейшая фаза жизни. Ликвидировать смерть так же невозможно, как ликвидировать жизнь.

Нарастите мне линию жизни

О хиромантии слышали все. Отнюдь не только цыганки, но и вполне уважаемые парапсихологи порой блистательно считывают информацию, закодированную в линиях на ладонях. Многие наверняка задумывались: а нельзя ли эти линии чуток подправить – так чтобы не болело сердце, нашелся суженый, не разбился самолет, в который куплен билет... Даже всезнающие цыганки и новые русские гадалки не отваживаются на подобные подвиги. А вот московский математик, как он утверждает, успешно выправляет здоровье, характер и судьбу.

В предсмертные секунды перед мысленным взором человека проходит вся его жизнь. Общеизвестный парадокс: долгие годы – за считанные секунды.

Солдат увидел летящую в него пулю и отклонился от нее. Невероятно, но многие фронтовики знали таких уникалов – для них доли секунды растягиваются до минут, в которые можно успеть принять нужное решение.

Эти примеры показывают, сколь растяжимо понятие времени. Точнее, оно субъективно: внутреннее время человека может решительно не совпадать с тем, которое измеряют хронометры.

Если больной раком узнает свой диагноз, зачастую развязка ускоряется – удручающая информация выводится из подсознания в сознание, которое способствует осуществлению неблагоприятного прогноза.

При этом внутреннее время человека имеет систему признаков, с помощью которых организм демонстрирует внутреннее время. Это и линии на ладонях, и радужка глаза, и чакры, и биологически активные точки.

Общеизвестны названия самых заметных линий на ладонях: головы (или ума), сердца, жизни, печени, линия Аполлона (связанная с талантами). Любую из них можно условно разбить на отрезки, соответствующие этапам жизни. Всякая точка, звездочка, зигзаг, разрыв на линии означает некое событие в жизни, связанное с «назначением» данной линии. И если оно расположено на линии впереди нынешнего момента времени, перед нами очевидный прогноз. При грамотном прочтении информации вполне достоверный.

Индусы научились толковать различные знаки на ладонях. Допустим, если найдено изображение флага, человеку суждено вести за собой армию – реальную или символическую. Лук означает попадание в цель (трактуемую весьма широко). Образ сабли связан с потерей головы. Краб или рак возвещают подчиненность (кому-то или чему-то) всей жизни человека. Рыба – символ изобилия.

В Китае на ладонях отыскивали изображения иероглифов. Знак с семантикой «учеба» предвещал человеку создание собственной школы, иероглиф «казнь» пророчествовал об отрубленной голове.

Еврейская каббалистическая наука трактовала найденные на ладонях фрагменты звездного неба и буквы еврейского алфавита (им всегда соответствуют определенные числа).

Однако древние традиции прочтения хироглифических рисунков знали лишь одно направление – от знака к судьбе. Но никак не наоборот.

Ключевое понятие кибернетики – обратная связь. Ни одна система без обратной связи неспособна к саморазвитию и самосовершенствованию. Человек, как мы знаем, к этому способен. Значит, у него должна быть обратная связь и в системе репрезентации внутреннего времени.

Образно говоря, если линия жизни внезапно трагически обрывается, нужно исхитриться как-то так прорезать на ладони ее продолжение, чтобы жизнь не пресеклась.

В обширной литературе по хиромантии нет указаний на такое исправление жизненной программы. Хотя в устной традиции сохранились сообщения о том, что в Средней Азии делались попытки коррекции судьбы: к ладоням привязывали медные проволочки с таким расчетом, чтобы они в заданном режиме деформировали рисунок линий.

За современное научное решение этой фантастической задачи взялась группа ученых, объединившихся в научно-медицинском центре «Имедис»: его основатель и генеральный директор Юрий Готовский, профессор кафедры сетей машин Московского энергетического института (к сожалению, уже покойный); программист Валерий Илюхин, врач Игорь Бобров и математик Карен Мхитарян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.